

BRITTEN

LES ILLUMINATIONS

OP. 18

**Maria Maidachevskaya
Kiev Chamber Orchestra
Anton Sharoev**

Recorded in 1979

Бенджамин Бриттен

«Озарения» для сопрано и струнного оркестра, соч. 18

1	1. «Фанфара»	2.05
2	2. «Города»	2.31
3	3а. «Фраза»	0.58
4	3б. «Антика»	2.04
5	4. «Царствование»	1.44
6	5. «Морской пейзаж»	1.01
7	6. Интерлюдия	2.48
8	7. «Воплощение красоты».	4.14
9	8. «Парад»	2.28
10	9. «Уход».	2.15

Общее время: 22.12

Мария Майдачевская, *сопрано*

Киевский камерный оркестр
Дирижер – Антон Шароев

Запись 1979 г.
Звукорежиссер – Юрий Винник
Ремастеринг – Надежда Радугина

Benjamin Britten

Les Illuminations for soprano and string orchestra, Op. 18

1	1. <i>Fanfare</i>	2.05
2	2. <i>Villes</i>	2.31
3	3a. <i>Phrase</i>	0.58
4	3b. <i>Antique</i>	2.04
5	4. <i>Royauté</i>	1.44
6	5. <i>Marine</i>	1.01
7	6. <i>Interlude</i>	2.48
8	7. <i>Being beauteous</i>	4.14
9	8. <i>Parade</i>	2.28
10	9. <i>Départ</i>	2.15

Total time: 22.12

Maria Maidachevskaya, *soprano*

Kiev Chamber Orchestra
Conductor – Anton Sharoev

Recorded in 1979.
Sound engineer – Yuri Vinnik
Remastering – Nadezhda Radugina

БЕНДЖАМИН БРИТТЕН

«ИЛЛЮМИНАЦИИ»

ДЛЯ СОПРАНО И СТРУННОГО ОРКЕСТРА, СОЧ. 18

Вокальный цикл Бенджамина Бриттена *Les Illuminations* на стихи Артюра Рембо для высокого голоса и камерного оркестра – произведение редкостного обаяния и «прилипчивости», когда непростая музыкальная ткань и тем более непростой текст заходят и не отпускают, словно попсовый шлягер. В русской традиции название принято переводить без затей: «Иллюминации», в то время как здесь присутствует целая загадка. *Les Illuminations* по-французски может означать и «озарения» и, собственно, «иллюминацию» или «яркое освещение», но Поль Верлен в предисловии к посмертному изданию сборника своего сердечного друга утверждал: «Слово “*Illuminations*” – английское и означает раскрашенные [иллюминированные] гравюры, *coloured plates*». Пусть так и будет.

Les Illuminations относятся к «американскому» периоду жизни Бенджамина Бриттена (1939–1942), впечатляющему своей продуктивностью и знаменующему собой начало стилевой миграции композитора из «британизмов» в космополитический и одновременно более индивидуализированный стиль. В те же годы Бриттен пишет «Сонеты Микеланджело», вобравшие приметы итальянской культуры, и Симфонию-реквием – пацифистский манифест на канонический церковный текст по заказу... японского правительства. Сам же вокальный цикл *Les Illuminations* на стихи Артюра Рембо, разумеется, – реверанс в сторону культуры Франции.

Французская и британская культура пересеклись здесь дважды. Впервые – в 1872–1873 годах, когда 18-летний Рембо и 28-летний Поль Верлен уехали в Лондон и там, в Ист-Энде, предавались любви и зарабатывали уроками французского. Английские словечки то тут, то там

проскальзывают в «Иллюминациях». Во второй раз – через 67 лет, и в этом случае, вероятно, определяющим фактором стала вовсе не география, а гендер. Бриттен формально посвятил цикл женщине: сопрано Софи Висс, спевшей премьеру в Эолийском холле в Лондоне 30 января 1940 года (своим струнным оркестром тогда дирижировал Бойд Нил). А уже внутри цикла добавил интимные посвящения: *Being Beauteous* – тенору Питеру Пирсу, а *Antique* – сыну немецкого дирижера Вульффу Шерхену. Оба были друзьями, музами и любовниками Бриттена.

Бриттен не присутствовал на премьере своего вокального цикла, но впоследствии не раз и не два исполнял его вместе с Питером Пирсом. Тем не менее, по мнению музыковедов, в том числе и биографа Бриттена Дэвида Мэтьюза, «Иллюминации» звучат более чувственно именно в исполнении сопрано. Почему?

Возможно, тут стоит вернуться в детство Бриттена. Его мать Эдит Рода Бриттен была певицей-аматором. Она пела в хоровом обществе, а также развлекала домашним музицированием гостей. Дома Эдит Рода пела Франца Шуберта, Роберта Шумана, Иоганнеса Брамса, Артура Салливана, баллады Лизы Леманн и народные песни. Опыт аккомпанирования высокому голосу и опора на немецкую песню – Lied – сформировали стиль великого британца. Неизвестно, обладала ли мать широкой тесситурой, но в дальнейшем именно широкий диапазон стал отличительным свойством мелодий Бриттена.

Международное признание Бенджамин Бриттен получил благодаря своим работам для голоса. Он хоть и ставил ясность словесного высказывания превыше звуковых орнаментов, но владел

даром искусного мелодиста и откровенно предпочитал производные от песенного жанра вариации и пассакалии сонатной разработке, а вокальные циклы – симфониям.

Исполнение произведения украинским оркестром, а затем и запись оказались результатом случая. Главным дирижером Киевского камерного оркестра в середине 1970-х годов стал Игорь Блажков. Здесь, на родине, он нашел убежище после показательной порки, которую ему устроили за неправильную репертуарную политику в Ленинграде на уровне Министерства культуры и всеильного партийного губернатора Романова. Неутомимый подвижник и провокатор начальственного неудовольствия, именно Блажков отваживался исполнять в глухие «в квадрате» времена (глухие для всего СССР периода «застоя», помноженные на провинциальную боязнь окрика из Москвы местных чиновников от культуры) представителей «Киевского авангарда» – Сильвестрова, Грабовского, Загорцева, а также Шёнберга, Пярта и – о, ужас! – неблагонадежного на тот момент Стравинского, с которым он состоял в переписке (как и с Шостаковичем, Мравинским и другими выдающимися музыкантами эпохи).

Так и случилось, что столица УССР по неведению недалекого начальства превратилась в оазис современной музыки. Тогда кто-то из заграничных почитателей маэстро добыл партитуру популярного, но вроде бы недоступного шедевра Бриттена. Исполнить вокальную партию Блажков предложил Марии Майдачевской, недавней репатриантке с европейской вокальной школой и родным французским языком. Мария Майдачевская вспоминает: «Буду откровенной, вначале

Бриттен не был в числе моих любимых композиторов, мой репертуар – это Моцарт, Скарлатти, Дебюсси, Чайковский, Лятошинский... Но именно это произведение звучало у меня в ушах благодаря гэдээровской пластинке с тенором Питером Шрайером. Благодаря ему я подготовила программу: в первом отделении Пёрселл, потом, как переход, обработки Бриттена английских и валлийских песен, а потом уже собственно Бриттен, сонеты Микеланджело. И тут такой подарок! Тем более, по-французски. Я вообще любила вызовы, как спортсмены. Мне было поначалу не очень комфортно, но затем я уже не могла оторваться. И потом оно мне как-то легло на голос. И я же люблю трудное, эмоциональное, немного драматическое. К тому же у Бриттена очень сильное напряжение, как бы сказать... Вот когда они с Рихтером играют дуэт Шуберта в четыре руки, становится понятно, что кроме чувства музыкального сродства есть еще родство духовное – по отверженности [в силу непризнанной ориентации]...»

А потом Игорь Блажков уволился из оркестра, и снова пришел Антон Шароев, который, собственно, и создал этот коллектив. Его запись «Иллюминаций» была едва ли не первым опытом только что открытого украинского филиала всесоюзной «Фирмы Мелодия». Звукорежиссер Юрий Винник осваивал новейшую на тот момент импортную (разумеется, аналоговую) аппаратуру в арендованном фирмой подвальчике в Доме культуры «Днепр» какого-то завода на окраине Киева, так что проект оказался творческим со всех сторон. Пришло время обнародовать его.

Любовь Морозова

*Мария Майдачевская, 1962
Maria Maidachevskaya, 1962*

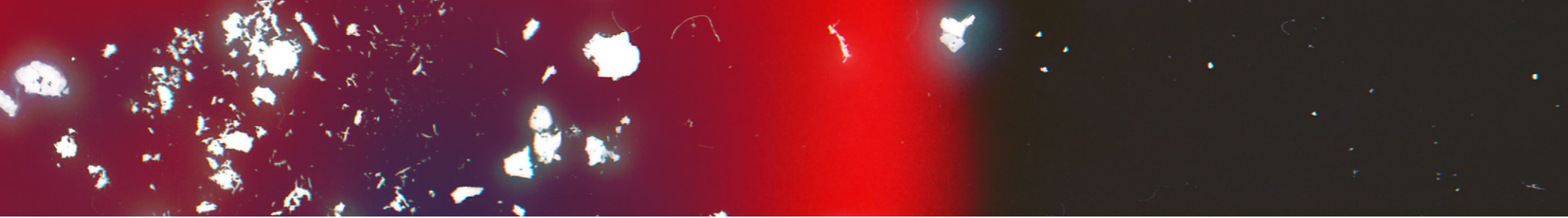
BENJAMIN BRITTEN
LES ILLUMINATIONS
FOR SOPRANO AND STRING ORCHESTRA,
OP. 18

Written for a high-pitched voice and chamber orchestra, Benjamin Britten's vocal cycle *Les Illuminations* sets verse and prose poems by Arthur Rimbaud. It is an uncommonly charming and catchy piece with a complex musical fabric and even more difficult lyrics. Like a pop hit, once heard it won't let you go.

There is a whole mystery about the name of the piece. "Les illuminations" in French can mean both "flashes of inspiration" and "bright lighting". However, in the preface to the posthumous edition of his intimate friend's collection, Paul Verlaine stated: "the word [that is, "illuminations"] is English and means *gravures coloriées, colored plates*". So be it.

Les Illuminations belongs to Benjamin Britten's "American" period (1939 to 1942) that impresses with its productivity and marks the beginning of the composer's stylistic migration from "Britishism" to a cosmopolitan and at the same time more individualized style. In those years, Britten wrote *Seven Sonnets of Michelangelo*, which absorbed the signs of Italian culture, and *Sinfonia da Requiem*, a pacifist manifesto based on a canonical church text commissioned by, lo and behold, the Japanese government. As to the vocal cycle *Les Illuminations* with the poems by Arthur Rimbaud, it is certainly a nod to the culture of France.

Here, French and British cultures come across twice. For the first time, in 1872 and 1873, when the 18-year-old Rimbaud and the 28-year-old Paul Verlaine stayed in London, and there, in the East End, made love and earned their living teaching French. English words slip out now and then in *Les Illuminations*. The second time happened 67 years later, and in this case, the determining factor was probably gender not geography. Formally, Britten dedicated the cycle to a woman, soprano Sophie Wyss, who sang

the premiere at the Aeolian Hall in London on January 30, 1940 (Boyd Neel conducted his string orchestra). Inside the cycle, he added intimate dedications: “*Being Beauteous*” was dedicated to the tenor Peter Pears, and “*Antique*” to Wulff Scherchen, the son of the German conductor Hermann Scherchen. Both were Britten’s friends, muses and lovers.

Britten did not attend the premiere of his vocal cycle, but subsequently performed it more than once or twice with Peter Pears. Nevertheless, according to musicologists, including David Matthews, a biographer of Britten, *Les Illuminations* sounds more sensual when performed by a soprano. Why?

Maybe it’s worth going back to Britten’s childhood. His mother, Edith Rhoda Britten, was an amateur singer. She sang in a choral society, and also entertained guests with home music. At home, Edith Rhoda sang Franz Schubert, Robert Schumann, Johannes Brahms, Arthur Sullivan, ballads by Liza Lehmann, and traditional songs. The experience of accompanying a high-pitched voice and reliance on a German song – *Lied* – shaped the great Briton’s style. It isn’t known whether the mother had a wide tessitura, but it was a wide range that became a distinctive feature of Britten’s melodies later on.

Benjamin Britten received international acclaim for his voice pieces. Although he put the clarity of verbal expression ahead of sound ornaments, he possessed the gift of a skilled melodist and openly preferred variations and passacaglias derived from the song genre to sonata development, and vocal cycles to symphonies.

The performance and recording of the piece by a Ukrainian orchestra was a result of a happy accident. Igor Blazhkov became the chief conductor of

the Kiev Chamber Orchestra in the mid-1970s. There, in his homeland, he found refuge after a scathing rebuke he was given in Leningrad at the level of the Ministry of Culture and the all-powerful party governor Romanov for his improper repertoire policy. A tireless devotee and provoker of the authorities’ displeasure, Blazhkov dared to perform in the utterly deaf times (deaf for the entire USSR during the period of stagnation, multiplied by the local cultural officials’ provincial fear of peremptory shouts from Moscow) the music by representatives of the so-called Kiev avant-garde – Silvestrov, Grabovsky, Zagortsev – as well as Schoenberg, Pärt, and – horrors! – the disloyal Stravinsky, with whom he corresponded (as he did with Shostakovich, Mravinsky, and other outstanding musicians of the time).

And so it happened that the capital of the former Ukrainian SSR, through the ignorance of the narrow-minded authorities, turned into an oasis of contemporary music. It was then that one of the maestro’s foreign admirers got hold of the score of Britten’s popular, but seemingly inaccessible masterpiece. Blazhkov invited Maria Maidachevskaya, a recent repatriate with a European vocal school and French as a mother tongue, to perform the vocal part. Maidachevskaya recalls: “*I’m going to be frank. At first Britten was not among my favorite composers. I’d had Mozart, Scarlatti, Debussy, Tchaikovsky, Lyatoshinsky in my repertoire. But it was this work that I had playing in my ears thanks to an East German recording made by tenor Peter Schreier. Thanks to him, I prepared a program: Purcell in the first part, and then, as a transition, Britten’s arrangements of English and Welsh songs, and then Britten proper, the Sonnets of Michelangelo. And then, what a gift! Moreover, in French. In general, I loved challenges, like athletes do. At first*

I wasn't very comfortable, but then I couldn't tear myself away. And then, it somehow set on my voice. I like pieces that are difficult, emotional, a little dramatic. In addition, Britten has a very strong tension, how to say... When he and Richter play the Schubert duet four hands, it becomes clear that besides the feeling of musical affinity, there's also a spiritual kinship – because of being rejected [due to the unrecognized orientation]...”

And then, Igor Blazhkov quit the orchestra to be replaced by Anton Sharoev, who, in fact, had created the orchestra. His recording of *Les Illuminations* was among the first projects of the newly opened Ukrainian branch of the all-Union Firma *Melodiya*. Sound engineer Yuri Vinnik was mastering then the state-of-the-art (of course, analog) equipment in a basement rented by the label at the Dnieper House of Culture that was owned by some factory on the outskirts of Kiev. It means that the project proved to be creative and inventive in every respect. Time has come to make it public.

Liubov Morozova

*Мария Майдачевская, 1979
Maria Maidachevskaya, 1979*

РУКОВОДИТЕЛИ ПРОЕКТА:	PROJECT SUPERVISOR – ANDREY KRICHEVSKIY
АНДРЕЙ КРИЧЕВСКИЙ, КАРИНА АБРАМЯН	LABEL MANAGER – KARINA ABRAMYAN
РЕМАСТЕРИНГ – НАДЕЖДА РАДУГИНА	REMASTERING – NADEZHDA RADUGINA
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР – ТАТЬЯНА КАЗАРНОВСКАЯ	EXECUTIVE EDITOR – TATIANA KAZARNOVSKAYA
ДИЗАЙН – ГРИГОРИЙ ЖУКОВ	DESIGN – GRIGORY ZHUKOV
ПЕРЕВОД – НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ	TRANSLATION – NIKOLAI KUZNETSOV
ЦИФРОВОЕ ИЗДАНИЕ: ДМИТРИЙ МАСЛЯКОВ, РОМАН ТОМЛЯНКИН	DIGITAL RELEASE: DMITRY MASLYAKOV, ROMAN TOMLYANKIN

MEL CO 0528

© АО ФИРМА МЕЛОДИЯ, 2021. 123423, МОСКВА, КАРАМЫШЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, Д. 44, INFO@MELODY.SU
ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORIZED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND BROADCASTING PROHIBITED.
LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM JSC «FIRMA MELODIYA», KARAMYSHEVSKAYA NABEREZHNYAYA 44, MOSCOW, RUSSIA, 123423, INFO@MELODY.SU.
IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORIZED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

WWW.MELODY.SU